

МЫ – ВМЕСТЕ!

Томский писатель Сергей Максимов в составе творческой делегации побывал у раненых и среди бойцов в зоне боевых действий Донецкой и Луганской областей, где выступил с концертами. Он также принял участие в работе секретариата Союза писателей России, поделился своими впечатлениями о поездке, подчеркнул значимость литературного слова для настроения бойцов и для сегодняшнего времени.

Дмитрий Мельников

*Напиши мне потом, как живому, письмо,
но про счастье пиши, не про горе.
Напиши мне о том, что ты видишь в окне
бесконечное синее море,*

*что по морю по синему лодка плывет
серебристым уловом богата,
что над ним распростерся космический флот -
снежно-белая русская вата.*

*Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в черные губы,
напиши про любовь, не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.*

*Напиши – я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре.
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море.*

Михаил КАРБЫШЕВ

ЗДЕСЬ ВСЕ ДАРОВАНО НАВЕКИ...

ОТЦОВСКИЙ ДОМ

Отцовский дом - он памятником стал,
Растут цветы у южного подножья.
Нам за него давали капитал,
Но дом продать, помилуйте, не можем.
Пусть буря канителится,
Пусть дождь,
Дорогу пусть перебегают кошки,
Но, когда к дому тропкою идешь,
У дома улыбаются окошки.
Калитка тут же душу распахнет,
От радости она не скрипнет - вскрикнет,
И кухня сейчас же оживет,
И все на стол:
Стаканы, чашки, кринки.
Счастливо зарумянится плита,
Щекою к ней прижмется сковородка,
Как красна девушка, ягода с куста
По сеничкам пройдет из огорода.
А на столе пахучий огурец,
Укропом пересыпанный да солью.
И, кажется, сейчас войдет отец
И скажет:
- Мать, зови детей к застолью!

НАШ ДВОР

Тот двор поделен был на части:
Отцов и материн — и наш.
Ни за какое в жизни счастье
Его другому не отдашь.

Здесь все даровано навеки
Советской властью мужику.
Кошевки, сани и телеги
За ним записаны в строку.
Седелки, вожжи и супони,
И дом с оравой детворы,
Но самоглавные дары —
Так это уж земля и кони!

Земля, на коей дом и двор,
И хлеб ядреный колосится,
И можно песню — на простор —
Запеть с женою голосистой.
И как преображался двор,
Когда постиранные тряпки, —

Белье носила мать охапкой,
Развешивая на забор.
Тут сразу осень и весна,
Все зеленело и синело,
Как сельсоветский флаг красна,
Рубаха братова алела.

Половики свисали вниз —
И все, как радуги, красивы.
Наш двор, куда ни оглянись,
Был лучшим уголком России.

Наша милая деревня
Век петляла вдоль реки.
А река на память, древняя,
Все вязала узелки.
Повороты влево, вправо —
Гнула улицу она,
Голубую пряжу пряла
Возле каждого окна.
На пути гора крутехонька,
На яр тропинка есть.
Речка с улицы поохали,
Не смогли на гору влезть.
Огородами, заборами
Подперли крутизну,
Взяли гору аж за горло —
Ей ни охнуть, ни вздохнуть.
А она, непокоренная,
На семи жила ветрах,
Лишь стрижами заселенная,
С небом, с солнышком в друзьях.
Но пришли однажды ссыльные,
Поселились на горе.
Люди гордые и сильные
Жили — окнами в заре.
Люди гордые и сильные
Путь пробрили к высоте:
Сверху ближе дали синие,
Ближе к солнцу и мечте.

КОРОВА

Вся в репьях до пят, гулена,
Рог на север, рог на юг,
Не доена, не кормлена,

Вон отбилась от рук.
Что, скажи, с коровой стало?
Как найти ей укорот?
Утром стайку поломала
И махнула из ворот.
Ни отец, ни мать не знают,
Кой ее ломает дух?
То любовь ее ломает,
Объяснил отцу пастух.
Привели быка в ограду,
Он ходил — слюна во рту.
А ему корова рада —
Заиграла в чехарду.
Распрямылся бык Алешка,
Разом дрогнули бока...
Ну-ка, черти, брысь с окошка,
Не видели что ль быка!..
А назавтра бык с коровой
Шли со стадом к боку бок.
Он здоров, она здорова,
Что тут скажешь?
Дай-то Бог!

КУЗНЕЦ ВЯЗНИКОВ

Целых тридцать лет в селе кузнечил,
Никому ни в чем не отказал.
Заплатить иному было нечем,
Он на это слова не сказал.
Ничего, не куплены, мол, руки,
Ничего, мол, в наших всё руках.
Важно, чтоб в полях пахали плуги
И косили косы на лугах.
Молотом вызванивал он лемех,
Закалял его в живой воде...
А по части всяческих полемик
Был такой же мастер, как в труде.
Тут не до железа, не до молота! —
Все бросал и, чуть прищурил глаз,
Скажет слово — слово на вес золота,
Скажет два — не купишь за алмаз.
Разогретый спорческим жаром,
Он гремел, не разогнув спины: —
Поработать можно и задаром,
Но слова на ветер — извини! —
А смеялся — на поле большое
Будто бы рассыплет бубенцы!
С вязниковской рядышком душою
Лгать не смели даже подлецы.

ПРОСТАЯ МУЗЫКА ЖИВАЯ

К 100-летию поэта Михаила Карбышева

Имя Михаила Михайловича Карбышева запомнилось мне с детства. Я тогда сочиняла что-то в рифму, самонадеянно именуя это «стихами». И потому приглашалась на заседания северского поэтического клуба «Березка», где под взглядами доброжелательных взрослых бойко декламировала свои сочинения со сцены. Атмосфера в северском ЛИТО была демократичной: все - на равных. Не только хвалили друг друга, но подтрунивали, обсуждали, критиковали «не взирая на возраст и заслуги». Но уже тогда мне запомнилась фамилия Карбышева - она всеми произносилась не то чтобы с пиететом - просто чувствовалось: его тут считают первым среди всех собравшихся. Он и был во многом первым. Даже по формальным показателям: первый, и долгие годы - единственный северский член Союза писателей СССР.

Казалось бы, такой яркий, публичный человек, умевший и любивший выступать перед аудиторией, уважаемый коллегами, Почетный гражданин города Северска (звание присвоено в 1999 году), а рассказать о его биографии - ой, как непросто. Есть формальные данные: родился, получал образование, работал, награждался... А есть живой человек - муж, отец, коллега. Поэт... Человек многогранный, и оттого трудно всё это вписать в рамки даже пространной статьи.

В Северске живут близкие Михаила Михайловича - жена Александра Савельевна, сыновья Сергей и Дмитрий. В их доме бережно сохраняется архив поэта. В Общественном музее С. Есенина при Северской ЦГБ есть воспоминания члена Союза журналистов Л. А. Карасёвой, бывших сослуживцев: Г. А. Ковгана, начальника участка цеха №47, и И. В. Рындына, начальника цеха № 47 ЗРИ; друга и свояка Ю.М. Малышева; заслуженного работника культуры В.Е. Угольников, поэтессы В.И. Самойловой и директора Северского кукольного театра А.Д. Южаковой.

В конце концов, сохранилось и свидетельство самого Михаила Михайловича - автобиография, где кроме сухих фактов о жизненном пути имеется и более важная информация - размышления о творчестве. Всё это - словно россыпь смальты, которая должна сложиться в целостный портрет.

Сибирское село Десятово, в котором в семье крестьян Михаила Ивановича и Евдокии Васильевны Карбышевых 21 ноября 1922 года родился первенец Миша. Сколько раз потом это событие отразится в творчестве поэта? Это только кажется, что проще всего работать со своей биографией, с темой малой Родины. На самом деле именно она требует большого мастерства. Если сможешь стать интересным для своих - тогда и всем прочим будешь интересным. Именно стихи о родном селе и односельчанах станут потом для Михаила Михайловича пропуском в большую литературу. Первое, что вспоминают, когда произносится имя Михаила Карбышева - стихотворение «Отец жалел коня». Это врезавшееся в детскую память воспоминание о тяжелой работе и внутренних устоях обычной крестьянской семьи. Для старших - как рассказ о собственном детстве и близких людях. Для младших - осколок уже непонятного и оттого пугающего прошлого. А ведь семья-то родительская была дружная, в которой все любили друг друга.

...А братеньник Михаил
Жену рядышком садил,
На колени да с боков -
Своих дочек и сынков.
Кач да кач, как на волне,
Все на левой стороне -
Рядом с матерью, с отцом,
Прямо к солнышку лицом.
Пусть телега на боку,
Зато счастье мужику.
Пусть кривая колея,
Зато дружная семья.

Кроме старшего сына, Михаила, были в семье Карбышевых брат Константин, сестры Аня и Ирина. Их имена встречаются в стихах - и всегда автор говорит о них с любовью.

И так получается, что про детство поэта только в стихах память и остаётся. Может быть, ещё и в любви к земле: у Михаила Михайловича был участок в Иглаково, на котором он охотно трудился летом. Замечательные помидоры вырастил, между прочим. А ещё любил Михаил Михайлович русскую баню, чтобы попариться всласть, а потом - нырнуть в снежок! Где ещё можно обрести такую привычку и закалку? Только в деревне!

Давно было десятовское детство, ещё до войны. В автобиографии Михаил Михайлович пишет об этом периоде мало, больше - с благодарностью и про красоту Родины. Ни о каких трудностях и наёмка нет. И только по послужному списку начинаешь догадываться: жизнь-то была не простая. Иначе почему щедро одарённый парень (поэтом тогда он себя ещё не считал, но вот таланты музыканта и художника уже прорезались) не пошёл учиться дальше, а поступил счетоводом в колхоз «Вперёд к коммунизму»? Надо было помогать родителям, поднимать братьев и сестёр? Скорее всего.

Потом началась война... Призвали Михаила Михайловича в июне 1941 года, направили в стрелковый полк на Дальний Восток, где он служил писарем.

Однако в декабре 1942 года его перебросили на Западный фронт. Воевать Михаилу Карбышеву пришлось недолго - с января по февраль 1943 года. В боях под городом Шахты Ростовской области красноармеец Карбышев получил два тяжёлых ранения - в шею и в ногу. Они надолго уложили его на госпитальные койки - сперва в полевом госпитале, а потом парня эвакуировали в Томск. «Если бы не открытый тогда пенициллин, - комментируют этот период биографии жена и сын, - ногу пришлось бы ампутировать». Но повезло

- сохранили. Даже инвалидность не дали - всю жизнь ему ранения аукались, но работал он без скидок на здоровье. (Удостоверение о присвоении инвалидности в архиве хранится - но оно 1990-х годов. Михаил Михайлович к той поре перенёс инфаркт и зверские побои от хулиганов...)

Недолгий военный опыт, который был в жизни Михаила Михайловича, тоже наложил свой отпечаток на творчество поэта. На всю жизнь я запомнила его рассказ о том, как родилось одно из самых проникновенных его стихотворений «Всё ковыляет деда Вася». Проезжая на автобусе мимо Томска-II, увидел Михаил Михайлович как на высокое и скользкое крыльцо магазина карабкается инвалид: одной ноги вовсе нет, а на второй ступня вывернута пяткой вперёд. Ещё одно стихотворение - «Идут ветераны» - тоже читается по-другому, если знать боевую судьбу Михаила Михайловича:

Идут ветераны девятого мая
Навстречу весенним ветрам.
Пред ними с поклоном я шапку снимаю,
Хотя я и сам ветеран.
И кто-то, быть может, тому удивится,
Что в братском поклоне стою,
Но надо когда-то и мне поклониться
Идущим в победном строю.

Песню на эти стихи долгое время исполнял заслуженный работник культуры В. Угольников.

В послевоенные годы Михаил Карбышев пытался найти себя в искусстве. Но видел себя не поэтом, а скорее художником и музыкантом. Работая в г. Искитим на разных рабочих должностях, обучался в Новосибирской музыкальной студии и окончил её. И, позднее, в автобиографии он отметил: «Забегая вперёд, скажу: почти всю жизнь проработал дирижёром-хоровиком».

В его трудовой книжке много записей, рассказывающих о Михаиле Карбышеве как о музыканте - руководителе хоров, самодеятельности, преподавателе. Действительно, у этого человека был талант. Играл он умел на семиструнной гитаре (которую, кстати, усовершенствовал), на фортепиано, аккордеоне и балалайке. Что-то с детства знал и умел, а чему-то позже выучился. Думаю, что музыкальный вкус и знания помогали поэту Карбышеву - стихи его легко ложатся на музыку, многие стали песнями. А другие - ждут своего часа. Вот это, моё любимое с детства, кажется, на музыку не положено. А ведь это песня!

Баю старцы про старинушку:
Были тут бугры да лес.
Целовал свою Аринушку
Здесь удалый молодец.
У пенька колчан со стрелами,
С земляничкой туесок...
А потом с дымами белыми
Вырос около домок.
А потом деревня-крошечка
Меж больших, больших яров.
Смотришь, там зажглось окошечко
Там прибавилось дворов,
Там лесину на заплотину,
Там под пахоту лужок.
И - гляди-ка - за поскотиной
Заиграет пастух в рожок!

В 1949 году Михаил Михайлович поступил в Палехское художественное училище, но по состоянию здоровья закончить его не смог. И снова процитируем «Автобиографию»: «Однако рисование, как средство выражения, живет со мной по сей день и помогает в литературной работе, да и не только в литературной». Помню, что на встречи с читателями он брал свои художественные работы.

Владел разными техниками: есть работы маслом, портреты русских писателей, выполненные в технике выжигания. Особенно Михаил Михайлович гордился, что смог «усмирить» тефлон - материал, к которому по определению

ничего прилипнуть не может. Прочёл где-то, что чесночным соком раньше стекло склеивали, и догадался грунтовать тефлоновые листы им, а потом работать по нему тушью.

До приезда в Северск, в 1951 году, пришлось попутешествовать. Трудовая книжка содержит записи о работе в Искитиме, с. Кожевниково, Шегарке... Худрук, иногда - педагог.

Для советского человека трудовая биография несомненно важна. Но в Шегарке случилось то, что важнее (и, по оценкам самого Михаила Михайловича, было одной из главных удач в его жизни). Он встретил жену, Александру Савельевну. Вот как, по её воспоминаниям, произошло знакомство: «Меня после медучилища направили работать в Шегарку. Тогда комсомольцев привлекали к общественной работе. И я должна была дежурить в штабе райкома комсомола, принимать сводки о сборе урожая. А у них в клубе был ремонт - так вот, они в райкоме и репетировали. Там и познакомилась!».

Они прожили вместе 56 лет - до смерти Михаила Михайловича, которая случилась после тяжёлой, длительной болезни 11 марта 2007 года. И он неоднократно говорил, что эта спокойная, рассудительная и мудрая женщина была для него важнейшим человеком в жизни. Он умел не просто восхищаться красотой - ценил то ежедневное, нужное и неброское, что ложится на женские плечи.

Но лучше пусть пред той
душа твоя взывает,
Которая тебе
и варит, и стирает,
И воду в дом несёт с реки
Пургой заснежена.
Вот эта женщина!
Вот эта женщина!
И пусть замрет душа твоя
от восхищения:
Как убрано
её руками помещение!
Ты расцелуй ей
на ладонях трещинки.
Вот эта женщина!
Вот эта женщина!

1950-е годы с теплом вспоминают большинство людей, родившихся до войны. Позади страшная беда, преодолели разруху. Жизнь действительно стало лучше. Однако сейчас понимаешь, что был в те годы был неустрашимый. Приходилось помотаться по углам: то в одной комнате живут, разделяя личное пространство шкафом, сразу две семьи, то при техникуме молодым выделяют крохотную комнату. В то время брат, Константин Михайлович, переехал в строящийся город Северск. Требовались кадры, но производство было сверхсекретное, выезжающих долго проверяли. Тем не менее, Карбышевы собрались все вместе. В одной из анкет указано, что в городе проживают родители - Михаил Иванович и Евдокия Васильевна, и сестры - Анна и Ирина.

Фронтвику Михаилу Михайловичу въезд оформили раньше, чем жене. И, хотя город активно строился, квартиру пришлось подождать. Сперва молодая семья и вовсе полгода жила в гримёрке клуба «Родина», прямо за сценой. А вся обстановка состояла из кровати и стола. И до получения первой собственной квартиры жили ещё на Первомайской (бывшей ул. Берии), как тогда говорили - с подселением. Но все так жили. Трудностей не боялись, а после работы дома не сидели - ходили в клубы, на танцы, в кино. Занимались спортом и общественной работой. Для современного человека такая активность иногда мало понятна. В Северске помнят худрука, музыканта, организатора Михаила Карбышева. Он действительно долгое время искал себя на этом поприще, работая сперва художественным руководителем в клубе «Родина», потом в ДК им. Н. Островского. Пробовал свои силы и педагогом в школе № 85.

Карбышева как работника СХК-1 (Завода разделения изотопов), знают меньше. А ведь на «первом объекте», как тогда называли ЗРИ, Михаил Михайлович проработал с 1964 по 1988 год - почти 25 лет. Продолжал работу, даже выйдя на пенсию по возрасту, и оставил завод только на 67 году жизни. Начал с лаборанта, потом освоил должность аппаратчика. Вот как вспоминает о Михаиле Михайловиче его бывший начальник Геннадий Алексеевич Ковган: «В наш 47-й цех он пришёл на должность оператора-комплектотвщика спецучёта. Особая сложность этой работы заключалась в том, что товарная продукция должна была в весе строго соответствовать допустимым нормам. Если граммов не хватало собирали комиссию для разбирательства. Так что это был очень ответственный и напряжённый труд. Потом, в начале 70-х, после реорганизации диффузионного производства Михаила Михайловича уже перевели на мой участок аппаратчиком... Работал он всегда от звонка до звонка, поблажек никаких не просил. Все его увлечения были в нерабочее время. Правда, можно сказать, что одна льгота у него всё-таки была. Дело в том, что если у аппаратчика был 6-й разряд (а у Карбышева был 6-й), он должен был обслуживать одновременно 3 рабочих места, а Михаилу Михайловичу определили только одно и куда его больше не дёргали». Последнее, видимо, было связано с тем, что Михаил Михайлович нёс большую общественную нагрузку и был ветераном Великой Отечественной войны.

Ну и голос поэта у него к той поре прорезался. Помог случай: надо было подготовить песню к юбилею города, а хороших текстов не было. Решил попробовать сам сочинить. Получилось. Ему было уже за 50 лет...

Т.Ю. НАЗАРЕНКО

Полная версия очерка будет опубликована в 3-м номере журнала «Начало века»